

ряговъ также какъ у Новгородцевъ молодежь занималась повольничествомъ и ходила по морямъ и рѣкамъ для торговли и грабежа. Богатые владѣльцы варяжскіе и новгородскіе нерѣдко роднились между собою, такъ что нашъ древній лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ называетъ уже Новгородцевъ сродниками Варяговъ. Онъ говоритъ: «Тѣ суть людіе Новгородцы отъ рода варяжска, прже бо бѣша Словѣни.» Такое родство, знакомство и сходство въ обычаяхъ и общественномъ устройствѣ и заставили Новгородцевъ идти за князьями не къ кому другому какъ къ Варягамъ, и притомъ къ ближайшимъ по соудству Варягамъ Руси, жившимъ тогда на западномъ берегу Ботническаго залива.

Иванъ Бѣляевъ.

Изъ

Байрона

ДОНЪ-ХУАНА.

Подмытый моремъ, дикій и пустой,
Весь берегъ тотъ съ нависшими скалами
Былъ огражденъ, какъ арміей, грядою
Подводныхъ скалъ,—иззубренный мѣстами
Заливами (пріютъ отъ бури злой!),
Гдѣ вой валовъ, катящихся рядами,
Смолкалъ лишь въ долгій лѣтній день, когда
Какъ въ озерѣ спять въ морѣ волнъ стада.

Едва плескалъ о берегъ валъ безмолвный,
Какъ пѣнится шампанское въ тиши,
Когда бокалъ кипитъ до края полный —
Отрада сердцу, вешній дождь души!
Люблю вина живительныя волны,
И противъ нихъ что хочешь мнѣ пиши,
Я стану пѣть: вина и дѣвъ веселья!
И содовой воды потомъ съ похмѣлья!

Намъ, существамъ разумнымъ, нуженъ хмѣль;
Все въ жизни лучшее одно—похмѣлье.
Богатства, честь, вино, любовь—вотъ цѣль
И нашихъ дѣлъ и нашего бездѣлья.
Безъ сока гроздіи, пышное досель,
Засохло бѣ древо жизни и веселья.
Напейся жъ пьянъ, читатель дорогой,
И завтра, вставъ съ больною головой,

Зови слугу, вели принесть рейнвейна
И содовой воды. Ужь много лѣтъ
Напитокъ сей я пью благоговѣнно.
Ничто на свѣтѣ: ни льдяной шербетъ,
Ни первый плескъ пустыннаго бассейна,
Ни самъ маконъ, багровый какъ разсвѣтъ,
Такъ послѣ странствій, битвъ, любви и скуки
Не утолятъ, какъ онъ, въ насъ жажды муки.

Стремнины скалъ... я, кажется, объ нихъ
Сталъ говорить?.. Такъ точно. Скалъ стремнины
Какъ небеса, безмолвны; вѣтеръ стихъ;
Пески не зыблятся, молчатъ пучины.
Все спитъ кругомъ; порой лишь птицъ морскихъ
Раздастся крикъ, да всплещутся дельфины,
Иль зашумитъ, ударившись объ рифъ,
Немолчныхъ струй чуть видимый приливъ.

Они гуляютъ. Дома нѣтъ пирата:
Крейсировать пустился онъ на югъ.
А у Хеди ни матери, ни брата,—
Одна лишь Зоя дѣлитъ съ ней досугъ.
Но, долгъ служанки исполня свято,
Она при ней лишь только для прислугъ:
Плететь ей косы, вѣсти ей приносить,
Да за труды себѣ нарядовъ просить.

Былъ часъ, когда садится за холмомъ
Лазоревымъ кругъ солнца раскаленный,
Когда горитъ въ пожарѣ зарево
Весь міръ земной, затихшій, усыпленный,
Съ одной страны обвить полувѣнцомъ
Далекихъ горъ, съ другой—холодной, сонной
Пучиной водъ и розовой зарей
Съ сверкающей вечернею звѣздой.

По камышкамъ, въ пескахъ сверкавшимъ ярко,
Они идутъ вдоль усыпленныхъ водъ;
Другъ другу руку жмутъ рукою жаркой
И, между скалъ найдя тѣнистый гротъ,
Въ мракъ гулкихъ залъ съ кристальной дивной
аркой,

Воздвигнутой причудой непогодъ,
Они вступають и, обнявшись нѣжно,
Любуются зарею безмятежно.

Глядятъ на небо: тамъ простергъ шатерь,
Какъ безпредѣльный океанъ пурпурный;
Глядятъ на волнъ сверкающихъ просторъ:
Тамъ всходитъ мѣсяцъ изъ волны лазурной;
Они другъ въ друга устремляютъ взоръ:
Взоръ ихъ очей пылаетъ страстью бурной,
И въ трепетъ, при звонкомъ плескѣ струй,
Они уста сомкнули въ поцѣлуй,

Въ горячій, долгій поцѣлуй, гдѣ младость
 И пылъ любви, какъ въ фокусѣ одномъ
 Лучи небесъ, въ одну слилися радость,
 Въ тотъ поцѣлуй, съ чьимъ пламенемъ знакомъ
 Лишь только тотъ, кто вѣдалъ жизни сладость,
 Когда въ насъ кровь клокочетъ кипяткомъ
 И каждый пульсъ какъ молнія трепещетъ,
 И каждый взглядъ огнемъ восторга блещетъ.

Забывъ весь міръ въ порывахъ огневыхъ,
 Они минутъ блаженства не считали;
 Но еслибъ даже и считали ихъ,
 Всю сумму чувствъ они сочли бь едва ли
 За мигъ одинъ, и въ этотъ сладкій мигъ,
 Когда они рѣчей не обрѣтали,
 Какой-то демонъ влекъ уста къ устамъ,
 Какъ медь душистый пчелъ влечетъ къ цвѣтамъ.

Дмитрій Мопъ.

ФЕРРАНИ.

(Окончаніе)

XXXVII.

Двадцать четыре часа прошло съ ея отсылки до того времени когда Гастонъ вошелъ въ ложу Феррании. Намъ нужно поменѣ времени чтобъ разказать читателю исторію двухъ персонажей, которые ему ужъ немного знакомы: Робера Дютальи и Бланки Пердю.

Робера зналъ весь Парижъ; ему было тридцать лѣтъ; онъ былъ молодецъ изъ-себя, добрый малый и таки-пожилъ на свѣтѣ. Двѣсти тысячъ франковъ были прожиты имъ въ четыре года и доставили ему извѣстность. Двѣсти тысячъ для людей извѣстнаго круга не составляютъ счета; но двѣсти тысячъ, прожитыя съ умѣньемъ, еще могутъ быть замѣчены и въ Парижѣ, этой бездонной бочкѣ, какъ называютъ его.

Почти оставленный семействомъ, которому онъ надобъль, Роберъ нашель ресурсы въ безконечной любезности парижскихъ торговцевъ. Съ другой стороны, обладая познаніями и ловкостію, онъ писалъ для журналовъ новѣсти и ученые статьи, помѣщая ихъ подъ псевдонимомъ. Высокій, мужественный, изящный, отличный стрѣлокъ, Роберъ былъ благосклонно принимаемъ въ высшемъ кругу; среднее общество въ немъ заискивало. Онъ воспитывался въ Турѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Лонгипонте у

одного аббата и, встрѣтясь съ герцогомъ въ Парижѣ, возобновилъ дѣтскую дружбу, которая доставила ему высокія связи.

Однажды утромъ въ квартирѣ Робера происходила оригинальная сцена: два человекъ ждали пока онъ проснется и приметъ ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ безукоризненно одѣтъ; въ рукахъ у него былъ узелъ съ двумя парами лѣтнаго платья; другой, неповоротливый, съ густыми щетинистыми усами, одѣтый въ пальто каштановаго цвѣта, застегнутое до самаго подбородка, держалъ въ рукахъ пару сапогъ. Было десять часовъ; Роберъ одѣвался. Наскучивъ долгимъ молчаніемъ, сапожникъ съ сильнымъ германскимъ выговоромъ проговорилъ:

— Какъ долго одѣвается!

— Мы пришли слишкомъ рано, отвѣчалъ портной.

— Вы платье принесли?

— Двѣ пары: одну для города, другую для дороги.

— Развѣ онъ ѣдетъ? съ безыкоичествомъ спросилъ сапожникъ.

— Какъ же. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

Сапожникъ, казалось, о чемъ-то размышлялъ.

— Онъ вамъ плотить? спросилъ онъ наконецъ.

Портной посмотрѣлъ на него свысока.

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ?

— Я никогда не работаю за наличныя, продолжалъ портной:—это для меня противно.

— Господи! пробормоталъ сапожникъ.

— Мы привыкли поступать иначе. Въ клиентъ мы ищемъ природнаго изящества, а не аккуратности въ разчетѣ. Одна пара панталонъ, надѣтая съ искусствомъ, вознаграждаетъ насъ за три неоплаченныя.

— Онъ мнѣ очень много долженъ, слезливо ворчалъ сапожникъ.

Портной пожалъ плечами.

— Мосьё Дютальи, сказалъ онъ,—принадлежитъ къ богатой фамилии и имѣетъ прекрасныя знакомства: чего жъ вамъ еще? Когда у клиента есть шикъ, намъ заплочено.

— Я приходилъ пятнадцать разъ, сказалъ сапожникъ.

— И вы осмѣлились придти еще!

— Чортъ возьми!

Портной казался разсерженъ.

— На его мѣстѣ, воскликнулъ онъ, — я бы вамъ не заплатилъ никогда. Вы мнѣ просто жалки!

ЗРИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЫ И СПОРТА.

Выходит по субботамъ.

Цѣна год. изд. 6 р.; съ 24 картинками модъ 8 р.; за доставку на домъ 1 р.; за пересылку въ города 2 р. Полугодовая подписка стоитъ половину; трехмѣсячная 1 р. 60 к., безъ доставки и пересылки.

Подписка принимается: въ Москвѣ у **И. В. Базунова** и всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ контор. типографіи **Каткова и К^о** и агентства и комисс. **Волковыхъ**, на Волховкѣ с. д.; въ библ. **Трике**, въ Газетн. пер. д. Ливена; въ редакціи **Газеты для Сельскихъ Хозяевъ**, на Zubовскомъ бул. д. Землед. школы; въ магазинахъ: **Фрлика**, у Красныхъ воротъ с. д. — **Клемина** (Новый магазинъ) близъ Землянаго вала д. Турчанинова, — **Родинова**, на Покровкѣ соб. д., — **Зайцева**, у Серпуховскихъ воротъ домъ Любушкина, — **Морковкина**, у Чугунн. моста соб. домъ, — **Выгодчиковыхъ**, у Троицы на Арбатѣ д. Головиной.

Въ Петербургѣ въ книжн. магазинѣ **А. И. Давыдова** и у всѣхъ извѣстн. книгопродавцевъ.

МОСКВА